

Приведенные автором факты жизненно правдивы и далеки от чуждой советской литературе «северной экзотики». Именно в таких своеобразных формах сочетания и столкновения отживающего старого с рождающимся новым формируется новая, социалистическая культура не только у орочей, но и у других народов Севера.

Очень удачны «портреты с натуры» орочей: советских активистов, рядовых колхозников, представителей формирующейся интеллигенции, стариков, устремившихся к новой жизни по «закону Ленина». Благодарность за этот «закон», любовь к впервые обретенной социалистической Родине ярко проявились в грозное военное время. В главе «В годы войны» тепло и любовно рассказывается об участии орочей молодежи в Отечественной войне. Интересны приведенные автором подлинные письма фронтовиков и опубликованное в свое время в армейской печати письмо писателя Эренбурга вонну-герою Кириллу Батуму.

Нужно отметить погрешности, допущенные автором, главным образом в описании старой культуры орочей. Ошибочно утверждение, что они «жили в прошлом недружно — враждовали между собою семьи, рода» (стр. 113). Только путем величайшей сплоченности и взаимопомощи поддерживали свое существование, в условиях постоянной нужды, отдельные орочские семьи, как это не раз свидетельствует близко соприкасавшийся с ними В. К. Арсеньев. Межродовая вражда не была распространенным явлением: сообщаемые самим автором эпизоды опровергают это его утверждение. Неверно и указание на отсутствие у орочей песенного творчества (стр. 113). Песни у них, как и у других народов Амура, конечно, были, причем широко бытовали песни-импровизации, образец которых приведен самим автором (стр. 101—102). Процесс изготовления ульмагды (лодки-долбленки) далеко не так прост, как это представляется автору. Хорошее в общем впечатление от этнографических описаний портят явно баснословные рассказы о различных происшествиях на охоте. Особенно досталось сохатому: в него стреляют дробью или, схватив за рога, валят на землю, а не то подходят к нему и закалывают ножом (стр. 204, 221—225). Таковы же типичные охотничьи побасенки о медведе, соболе, олене, тигре (стр. 248—249, 246—247, 259).

Одними думами и устремлениями со всем советским народом живут сейчас орочи. Вспоминая прошлое как тяжелый сон, они уверенно смотрят в будущее. Маленькому, собравшемуся в одном колхозе народу стало уже тесно на этом месте, он задумал строить новый поселок — социалистический городок.

Большую помощь оказали и оказывают орочскому народу русские люди. Одним из героев повествования является учитель Н. П. Сидоров, реально существующий, неоднократно отмечавшийся в печати и удостоенный высоких наград за его многолетнюю деятельность среди орочей. Можно сказать, что Н. П. Сидоров просветил целый народ, воспитал новых, советских людей: тружеников-колхозников, мужественных защитников Родины, преданную своему народу интеллигенцию. Писатель уделил Н. П. Сидорову много теплых страниц. Образ его наглядно олицетворяет громадную помощь русских людей орочам, неразрывную дружбу, связавшую русский народ с другими, большими и малыми, народами нашей страны. Образ Н. П. Сидорова напоминает о тех безвестных учителях, врачах, советских и партийных рабочих, которые явились в свое время пионерами строительства социализма на Крайнем Севере, заложили основы новой культуры его многонационального населения.

Нужно приветствовать и самый интерес писателя к жизни далеких национальных окраин, и его правдивый художественный отчет о своих путешествиях.

М. А. Сергеев

Ш. Инал-ипа. *Очерки по истории брака и семьи у абхазов*. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Абгиз, 1954.

Ш. Д. Инал-ипа. *К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии*. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, XXV. Сухуми, 1954.

Существенной чертой, характеризующей подъем советской этнографической науки в послевоенный период, является развертывание исследовательской работы на местах, в союзных и автономных республиках. Заметное оживление этнографической работы наблюдается, в частности, и в Абхазии. В послевоенные годы опубликовано несколько интересных работ, подготовленных абхазскими этнографами И. А. Аджинджалом, И. Е. Адзинба, Ш. Д. Инал-ипа, Л. Х. Акаба. Исследования абхазских этнографов касаются самых различных вопросов: здесь и материальная культура абхазов, и эпос, и религиозные верования, и вопросы, связанные с этнографическим изучением семьи и общества. Авторами их собран значительный полевой материал, поднята большая абхазоведческая литература. Однако наряду с заметными успехами в работе абхазских этнографов имеются слабые, на наш взгляд, места. Представляется бесполезным обратить на них внимание, особенно сейчас, когда кадры квалифицированных абхазоведов еще более увеличились, этнографическая работа в республике усиливается.

В 1954 г. опубликованы две работы Ш. Д. Инал-ипа: книга «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» и большая статья «К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии».

«Очерки по истории брака и семьи у абхазов» состоят из введения и восьми глав: 1 — «Брачные ограничения», 2 — «Вступление в брак», 3 — «Материальные взаимоотношения свойственников», 4 — «Брачное помещение», 5 — «Свадьба», 6 — «Приобретение невесты к роду», 7 — «О правовом положении женщины» и 8 — «О большой семье и терминологии родства и свойства». Бесспорной заслугой автора является использование обширной дореволюционной литературы, в которой сведения о браке и семье у абхазов беспорядочно разбросаны по отдельным работам. Не менее ценно привлечение довольно значительного полевого материала, собранного автором во время его неоднократных поездок по Абхазии. Но, к сожалению, достоинства книги этим по существу дела исчерпываются, так как содержание ее не соответствует заголовку, а общий исследовательский уровень оставляет желать лучшего.

Книга Ш. Д. Инал-ипа совершенно не дает представления об истории брака и семьи у абхазов, о развитии и смене брачно-семейных порядков. Описываемые в книге обычаи в огромном большинстве случаев выступают как неизменные, раз и навсегда данные. Отсутствует элементарная хронологическая датировка описываемых явлений и фактов. Даже в тех случаях, когда полевой материал и литературные данные позволяют легко проследить те или иные исторические изменения в свадебном комплексе и характере семьи, автор не делает попыток показать движение, смену старого новым. Вот несколько примеров.

Подробно описывая сословные ограничения при вступлении в брак, автор не говорит о том, что в последней четверти XIX в. в связи с начавшимся капиталистическим развитием эти ограничения видоизменились. Развитие капитализма поколебало установления адата и средневековую гордость сословий, к расчетам сословного характера прибавились материальные соображения, все чаще заставлявшие смотреть сквозь пальцы на выгодные «нервные браки». Такие случаи были известны и раньше, но с конца XIX в. выражение «плата уравниения» слышалось все чаще и чаще. Оставив этот факт без внимания, автор, естественно, не заметил и того, что вместе с ним к разнообразным препятствиям при вступлении в брак прибавилось еще одно: возможное предпочтение родственниками более богатых жениха или невесты.

Говоря о заключении брака посредством похищения, автор противоречит себе, в одном и том же абзаце утверждая, что браки похищением «представляли в общем довольно редкое явление», и в то же время, что они «несомненно нередко встречались» (стр. 47). Это противоречие не случайно. Если бы автор подошел к вопросу исторически, он сумел бы показать, что похищения, которые в далеком прошлом абхазов действительно не были частым явлением, в последней четверти XIX в. участились в связи с усилением экономической дифференциации в среде крестьянства. Похищая девушку из высшестоящего сословия или богатой крестьянской семьи, абхаз надеялся упрочить свое имущественное и общественное положение, выбиться «в люди». Похищения участились также и в результате обнищания основной массы крестьянства: ведь брак в этом случае не требовал столь пышных и дорогостоящих церемоний, подарков и т. п. Вообще автору следовало в данном случае четко выделить три по существу различные формы похищения: настоящее насильственное похищение, похищение по предварительному уговору с девушкой и «фиктивное» похищение, совершавшееся по уговору с девушкой и ее родителями.

Автор не пишет о том, что обряд «бросания пули», сопровождавший сватовство, в конце XIX в. был уже весьма редок; что срок традиционной «изволяции» невесты и жениха на протяжении XIX в. все больше сокращался; что в это же время постепенно становились менее длительными и пышными свадебные торжества; что менялись многие другие обычаи, связанные со сватовством, сговором, свадьбой, вводом молодой в дом родителей жениха. Ничего не сказано о том, что часть свадебных обычаев исчезла уже к началу XX в., другие сохранились до настоящего времени, видоизменившись в новых условиях.

История абхазской семьи автором почти не прослеживается, хотя абхазский материал дает возможность показать эволюцию большой семьи от первоначальной демократической общины к поздней отцовской семье деспотического типа и далее — распад большесемейной организации в конце XIX — начале XX в. Вообще в главе о семье трактуются преимущественно вопросы терминологии: не только эволюция, но и характер абхазской семьи остаются нераскрытыми.

Отсутствие исторического подхода к материалу придает книге Ш. Д. Инал-ипа преимущественно описательный характер. Но и описания, сделанные автором, существенно проигрывают как в результате отсутствия простейшей хронологической датировки описанного, так и в результате того, что собранный материал совершенно недостаточно дифференцирован в классовом отношении. Так, например, из рецензируемой работы не видно, что процесс упрощения свадебной обрядности в крестьянской среде шел несравненно быстрее, чем у князей и дворян. Не видно, что «фиктивное» похищение являлось специфической особенностью быта небогатого крестьянства. Остается неизвестным, в каких слоях общества — среди крестьянства или среди феодальной верхушки — дольше бытовала большая семья, а ведь вопрос этот неоднократно стоял в этнографической литературе. Указанный недостаток особенно сильно ощущается в главе «О правовом положении женщины», где автор указывает, что «по сравнению с некоторыми другими горскими народами Кавказа, женщина у абхазов занимала более свободное положение» (стр. 165). Тезис этот заимствован из старой

абхазоведческой литературы, в которой неоднократно дискутировался вопрос о положении женщины: одни авторы объявляли абхазку «свободной», другие сравнивали ее с «рабочим животным». Словно-классовая принадлежность абхазки при этом игнорировалась, однако именно этот момент играл решающую роль. Не дифференцировал должным образом материал и Ш. Д. Инал-ипа, хотя в нескольких местах своей книги он говорит о необходимости классового подхода. Автор не раз противоречит себе: на стр. 165 он объявляет «крайностью» слова Н. С. Державина о том, что дворянка «стоит совершенно наравне с мужчиной», а на стр. 166 сам утверждает, что «женщина привилегированных сословий пользовалась почти теми же правами, как и мужчины». Крестьянка, по словам автора, также «пользовалась сравнительно немалыми свободами в быту и в обществе» (стр. 166). Словом, вопрос запутан, а между тем еще в 80-х годах промелькнула правильная его постановка. Анонимный автор статьи «Абхазская женщина», отмечая, подобно многим другим, что абхазка эмансипирована, пользуется уважением, самостоятельностью и т. п., в заключение добавил: «Все сказанное относится к женщине привилегированных сословий... Женщина же низшего сословия более ограничена в своих правах: семейная жизнь — вот круг ее деятельности»¹. Отметим попутно, что и к этому вопросу Ш. Д. Инал-ипа подошел внеисторически. Положение абхазки даже на протяжении XIX в. не было неизменным: начавшееся развитие капиталистических элементов, разрушая натуральную замкнутость хозяйства и обесценивая домашний труд женщины, существенно ухудшило положение простой абхазки.

В некоторых случаях Ш. Д. Инал-ипа стремится теоретически осмыслить, проанализировать приводимый им материал, но как раз в этих случаях особенно ясно ощущается теоретическая слабость книги. Автор не различает институт аталычества и значительно более широкий институт молочного родства, объединяющий в себе и аталычество, и усыновление-авнадара, и обычное усыновление (стр. 19). Калым у абхазов, по мнению автора, «постепенно превращается в приданое» (стр. 72), хотя отчасти уже в русской дореволюционной (Л. В. Малинин), а особенно в советской этнографической литературе (М. О. Косвен, Н. А. Кисляков) ясно показано, что калым и приданое — два самостоятельных, не связанных между собой института, развивающихся самостоятельно, хотя и сосуществующих на определенном этапе своего развития. Автор не различает, смешивает раздел и выдел в большой семье (стр. 185). Поведение супругов автор трактует с точки зрения некоей отвлеченной нравственности абхазов, «инстинктивного отращения абхазов к нравственной испорченности» (стр. 163), забывая, видимо, что безнравственных народов вообще не существует и не существовало и что понятие о нравственности является сугубо историческим. С этих же ненаучных позиций автор говорит о «смягчении нравов» применительно к положению абхазской женщины (стр. 168). Автор смешивает причины и следствия в деле раскрепощения абхазки в Советскую эпоху: участие женщины в общественном труде, по его мнению, является «основным положительным показателем изменений в новом абхазском семейном быту» (стр. 14). В отдельных случаях автор пытается предложить решение весьма сложных научных вопросов (объяснение обычаев избегания, происхождение и развитие специальных брачных жилищ), однако серьезно обоснованная аргументация в этих случаях отсутствует.

Как уже отмечалось, характеристика брачно-семейных обычаев абхазов дается в отрыве от истории Абхазии. Однако местами, как бы ненароком, задеваются некоторые исторические факты, и здесь автор порой допускает серьезные ошибки. Присоединение Абхазии к России, в частности русскую ориентацию владельца Абхазии Келеш-бей, он связывает с... распрей, возникшей между ним и фамилией Дзяпш-ипа. «Эта распря,— пишет Ш. Д. Инал-ипа,— заставила Келеш-бей озаботиться присканием себе опоры... Келеш-бей задумал отдать себя покровительству России. Это было тем более важно, что он хотел надежным образом обеспечить за Сафар-беем наследственные права, так как по обычаям страны дети князя от женщин простого сословия, хотя и считались законными с точки зрения мусульманского права, но не пользовались политическими правами отцовского звания и сана» (стр. 42). Обращает на себя внимание и другое место книги. На стр. 171—173 без видимой связи с темой работы автор чрезвычайно подробно в самых восторженных тонах говорит о любви абхазов к ораторскому искусству. В качестве примера автор приводит один из инцидентов восстания 1866 г.: «знаменитую» речь «народного трибуна» Османа Шамба в сел. Лыхна, в результате которой, как это известно из других источников², собравшейся толпой были убиты все члены специальной комиссии по разбору местных сословно-поземельных дел, в том числе молодой чиновник А. П. Черепов, чью талантливую работу о сословных отношениях в Абхазии Ш. Д. Инал-ипа не раз цитирует. Возникает вопрос: уместно ли при таких обстоятельствах восхвалять речь Шамба, да и вообще не заслуживает ли весь этот лыхненский инцидент критической переоценки?

Перехожу ко второй работе Ш. Д. Инал-ипа — «К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии». Эта работа состоит из девяти разделов, в которых рассматриваются разделение труда у абхазов, положение женщины, следы материнского рода и отдельные пережитки матриархата: аталычество, некоторые черты свадебного цикла

¹ «Кавказ», 1885, 62.

² См. А. Н. Дьячков-Тарасов, Абхазия и Сухум в XIX столетии, «Изв. Кавказского отдела РГО», 20, 1909—1910.

и семейного быта, авункулат, отдельные религиозные верования и эпические сказания. Таким образом, исследуемые здесь материалы в значительной степени переплетаются с материалами рассмотренной выше работы. Однако вторая работа, как отмечает сам автор, преследует специально исследовательские цели: «голые факты — не доводы, если они не могут быть освещены генетически» (стр. 216).

Автор правильно начал свое исследование с анализа половозрастного разделения труда и хозяйственной роли абхазской женщины. Правильен и вывод автора о том, что чем дальше вглубь веков, тем более значительной была роль абхазки в земледелии и домашнем хозяйстве. Но, во-первых, вывод этот удивительным образом лишь в самой незначительной степени связан с тем материалом, который автор приводит в качестве его обоснования. На протяжении печатного листа приведены литературные данные об организации скотоводства (и скотокравства), работоргове, ремеслах, устройстве мельниц, обязанностях крепостных крестьян, способах приготовления пищи и т. п. В море ненужных побочных сведений буквально тонет небольшой материал, действительно относящийся к теме и подтверждающий вышеприведенный вывод. Во-вторых, автор делает немалую натяжку, переходя от этого вывода к констатации матриархата в древней Абхазии. Делается это следующим образом: «...можно предполагать, что в прошлом роль женщины в земледелии была здесь еще более значительной, что она у далеких предков абхазов выступала, вероятно, решающей фигурой (sic!) в возделывании земли, чем и можно объяснить ее выдающееся положение в нем и в последующие периоды — вплоть до нового времени. Демонстрируемая на конкретном абхазском историко-этнографическом материале эта выдающаяся роль женщины в общественном производстве, являющаяся одной из характерных черт первобытно-общинного строя, находится в полном соответствии с марксистской теорией матриархата» (стр. 235).

Не более убедительно реконструируется и былое общественное преобладание женщины. Автор рассуждает просто. Положение абхазки в дореволюционное время характеризовалось известной двойственностью. «Данные, которые говорят о ее почетном положении, могут быть объяснены, очевидно, как отражение той эпохи, когда она принимала активное и непосредственное участие в общественном труде. Те же стороны социальной жизни, которые свидетельствуют о ее неравенстве, ...относятся по своему происхождению к позднему периоду, когда она испытывала тяжелое бремя классового угнетения, была ограничена кругом работ по дому и тем самым в известной степени изолирована от общественного производства» (стр. 243). Рассуждение это, иллюстрируемое несколькими противоречивыми литературными сообщениями о положении женщины в Абхазии, правильно лишь отчасти. Конечно, далекие отзвуки матриархата (роль женщины в атальчестве, усыновлении и т. п.) оказывали известное влияние на положение абхазки, но важнее было другое: выдающаяся трудовая роль абхазки в натуральном хозяйстве Абхазии еще дореформенного времени. Труд женщины в домашнем хозяйстве в известной мере еще сохранял свой общественно-полезный характер и поэтому, вопреки господствовавшим патриархальным порядкам, создавал абхазке определенный вес в семье и в обществе.

Ряд собранных Ш. Д. Инал-ипа данных о пережитках матриархата заслуживает внимания. Это прежде всего отдельные эпизоды абхазского нартовского эпоса, в которых рельефно выступают родоначальница нартов Сатанэй Гуаша, сестра нартов Гунда, воительница Ханиа. Это затем многие черты абхазской языческой мифологии, в которой не менее ярко выступают образы древнейших богинь — «Царицы земли», «Владычицы вод», «Матери коз» и т. п. Большой интерес представляют свидетельства о пережитках авункулатных представлений у абхазов, основанные, повидимому, на собственном полевом материале автора. Ш. Д. Инал-ипа совершенно правильно видит доказательство абхазского матриархата в обычаях атальчества, экзогамии, следах группового брака, некоторых видах избегания; собранные им сведения он в ряде случаев удачно увязывает с анализом матриархальных институтов, данным в специальных работах М. О. Косвена (авункулат, временное помещение невесты в чужой дом и др.). Но, к сожалению, все это тесно переплетается с утверждениями бездоказательными или просто странными. Так автор склонен рассматривать в качестве пережитка «матриархальной хозяйственно-общественной группы» ацуту (старинное обозначение поселка или же околотка), хотя единственное солидное основание к этому он видит в том, что существовали моления, называвшиеся ацу (стр. 246 и сл.). Наличие показателя множественности в слове «семья», по мнению автора, свидетельствует о множественности (а не единичности!) членов древней семейной группы (стр. 255). Указывая, что, по словам Энгельса, передача титулов по женской линии является достаточным доказательством матриархата, автор проделывает лингвистические изыскания и заключает: «Значит, мы имеем основания древний смысл слова, ныне воспринимаемого как «княгиня», «княжна», выразить следующим образом: женщина — родительница князя. Вот и передача титула по материнской линии, что также служит выражением матриархата» (стр. 257). В работе много ошибок, повторяющихся ошибки, сделанные в «Очерках»; нет нужды вторично на них останавливаться.

Общим недостатком обеих работ является изобилие в них обширных литературных цитат. Часто для того, чтобы привести факт, который мог бы уместиться в одной строке, автор включает в текст огромную цитату или длинное, не относящееся к делу, повествование (например, «К вопросу...», стр. 253; «Очерки...», стр. 171 и сл.). Все это засоряет работу, в сильнейшей степени затрудняет ее восприятие. Автор злоупотребляет

и цитированием работ классиков марксизма-ленинизма: так, например, весь вводный раздел к статье о матриархате представляет собой перечень высказываний Энгельса, Ленина и Сталина. В то же время в обращении с этими цитатами допускается небрежность: на стр. 214 в высказывании В. И. Ленина пропущено слово «иногда», на стр. 218 Маркс цитируется по Большой Советской энциклопедии.

Автор без всякой нужды проводит различные параллели, выбор которых обычно весьма случаен. Изгнание кровосмесителя сравнивается с древнегреческим остракизмом («Очерки...», стр. 24), без нужды приведенная автором «Песнь жерновов» сопровождается справкой об аналогичной песне с о. Лесбоса («К вопросу...», стр. 232), к случайному упоминанию о водяной мельнице приложена довольно подробная справка о ее распространении на Востоке и Западе (там же) и т. д. Рецензируемые работы изобилуют выражениями наподобие следующих: «полеводство и огородничество... существовали в симбиозе» («К вопросу...», стр. 225), образование в роде «дифференцирующей структуры» («Очерки...», стр. 20), «социально-классовый гнет» (там же (стр. 131)). Вообще, язык обеих работ весьма несовершенен. Вот несколько примеров: женщина «оказывала сопротивление в процессе перехода к мужу» («Очерки...», стр. 88), «ходить с пощечиной на лице», «головокружительные движения ног» (там же, стр. 121), «Алчные феодалы, желая иметь рабов для продажи, принимались за это дело заранее» (там же, стр. 170), дядя Абраскила «заметил, что пещерный ручеек несет с собой лошадиный навоз, и решил поэтому, что его героический племянник еще, должно быть, жив» («К вопросу...», стр. 260).

Те или иные недостатки всегда имеются в каждой научной работе, и было бы неправильным не видеть за ними положительных сторон, нового и ценного, внесенного в науку автором. В рассмотренных работах этим положительным, несомненно, является собранный Ш. Д. Инал-ипа фактический материал — полевой, литературный, архивный. В «Очерках...», впервые в абхазоведческой литературе, приводятся таблицы системы родства у абхазов. В статье о матриархате, как отмечалось, удачны разделы об авункулате, нартовском эпосе, мифологии.

И все же общее впечатление, оставляемое рассмотренными работами, является неблагоприятным. Складывается впечатление, что автор, имея хороший материал, испортил его, поторопившись с публикацией, не дав себе времени как следует этот материал продумать, обработать, научно проанализировать.

Абхазский этнографический материал представляет огромную научную ценность. Абхазским исследователям необходимо продолжить начатую ими этнографическую разработку истории семьи и общества, подняв ее на более высокий теоретический уровень.

Я. Смирнова

Н. Я. Бичурин (Иакинф). *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. III. М.—Л., 1953*.

Выпуском III тома «Собрания сведений...» Институт этнографии АН СССР завершил новое издание самого крупного и значительного в научном отношении из опубликованных трудов великого русского синолога XIX в.—Никиты Яковлевича Бичурина (Иакинфа).

Общезвестны глубина и обширность познаний покойного русского ученого, его необыкновенное упорство в решении сложнейших научных проблем, его исключительное для европейской науки того времени дружелюбие к изучаемым народам и отсюда — стремление максимально полно показать их подлинное место в истории человечества, их роль в созидании мировой культуры. Такой подход к оригинальным материалам, к первоисточникам по политической истории и истории культуры изучаемых народов в значительной мере способствовал успеху Н. Я. Бичурина в решении поставленных им перед собой задач. Труды его до наших дней сохраняют значение отправных пунктов для исследователя истории, этнографии, истории культуры народов Восточной, Центральной и Средней Азии. Равным образом и переводы Н. Я. Бичурина, открывшие перед его современниками неисчерпаемые богатства дальневосточной историографии (в первую очередь китайской и монгольской), сохраняют и поныне значение первоисточников для всех, кто занимается проблемами этногенеза или исторического прошлого народов Азии, в том числе народов азиатской части нашей Родины.

Первое издание «Собрания сведений...» давно уже стало библиографической редкостью. Лишь в немногих библиотеках сохранились в удовлетворительном состоянии оба тома первого издания. Нередко отсутствует «Предуведомление», предосланное Н. Я. Бичуриным I тому «Собрания сведений...». Еще чаще полностью или частично отсутствует составленный самим Н. Я. Бичуриным «Топографический указатель мест на карте к Истории древних среднеазиатских народов» (фактически это не столько «топографический указатель», сколько научный комментарий текста в связи с топо-

* Новое, дополненное и документированное издание труда, выпущенного впервые в 1851 г.